

БлагоДАРение

Место, где меня нет

История бессмертного, который пытался
пережить собственное отсутствие

*Чтобы однажды убедиться,
что меня нет, мне придётся
остаться и посмотреть*

РОМАН ЕГОРОВ

Роман Егоров

Место, где меня нет

<https://litres.ru/74685559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если самое загадочное в смерти — невозможность убедиться, что тебя больше нет? Ведь даже представляя собственное отсутствие, человек почему-то продолжает наблюдать за происходящим.

Герой этой книги однажды замечает странность, которая превращает его привычную жизнь в путешествие по самым неожиданным уголкам существования. Несчастный случай, потеря близких, непрожитые судьбы, старение и поиски единственной настоящей реальности постепенно приводят его к вопросам, на которые ум совсем не торопится отвечать.

Бессмертие оказывается подарком с весьма сомнительными условиями, память — ненадёжным биографом, а привычное «я» — куда более загадочным явлением, чем сама смерть.

«Место, где меня нет» — философско-литературное путешествие, полное парадоксов, иронии и неожиданных откровений. Здесь не обещают вечную жизнь и не предлагают готовых истин. Зато после прочтения может оказаться, что самая невероятная тайна всё это время находилась гораздо ближе, чем казалось.

Содержание

Пролог. Я всё ещё здесь	4
Глава 1. После этого меня не должно было быть	13
Глава 2. Следующий день	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Место, где меня нет

«Чтобы однажды убедиться, что меня нет, мне придётся остаться и посмотреть»

Пролог. Я всё ещё здесь

Первый раз мне сказали, что я мог умереть, когда я был ещё слишком молод, чтобы услышать в этой фразе что-нибудь кроме лестного сообщения о собственном везении. Врач разглядывал снимок и говорил спокойно, почти равнодушно, словно обсуждал не мою возможную смерть, а техническую неисправность, которую удалось вовремя устранить. Я лежал перед ним совершенно живой, испытывал боль, хотел пить и почему-то чувствовал себя обязанным соответствовать торжественности момента. Видимо, после близкого знакомства со смертью человек должен немедленно понять что-нибудь важное о жизни. Я тогда ничего особенно важного не понял, зато запомнил четыре слова: «Вы могли не выжить».

Долгое время в них не было ничего странного. Люди постоянно говорят, что кто-то мог разбиться, утонуть, не проснуться после операции или опоздать с лечением на несколько часов. Такие фразы даже немного украшают биографию. Вчера ты просто ехал по дороге, сегодня уже «чудом

остался жив», а через неделю рассказываешь эту историю друзьям с той спокойной уверенностью, которая появляется только у человека, заранее знающего финал. Смерть получает почётную роль почти случившегося события, после чего удаляется со сцены, а человек снова занят работой, деньгами, отношениями и прочими вещами, которые удивительно быстро возвращают себе статус самых важных в мире.

Я тоже вернулся к нормальной человеческой занятости. Работал, путешествовал, знакомился с людьми, расставался с теми, без кого ещё недавно не представлял будущего, менял планы и убеждения. Несколько раз любил окончательно, после чего обнаруживал, что окончательность обладает удивительной способностью заканчиваться. Какие-то решения казались судьбоносными и через несколько лет выглядели обычными поворотами дороги; другие принимались почти случайно, а потом выяснялось, что именно они изменили всё. Тело тем временем жило своей жизнью, терпеливо позволяя мне считать его собственностью, хотя с возрастом всё чаще напоминало об условиях аренды.

Потом произошло ещё одно событие, после которого я снова слышал знакомое: меня могло не быть. На этот раз меня зацепила сама формулировка. Я попробовал представить мир, в котором действительно не выжил, и без труда увидел больницу без себя, разговоры близких, документы, фотографии, похороны, людей, произносящих моё имя уже в прошедшем времени. Воображение услужливо построило

убедительное продолжение, если не считать одной нелепости: при собственном отсутствии я всё время присутствовал тем, кто его представляет.

Вот здесь вопрос впервые перестал быть красивой игрой. Медицинская смерть вполне понятна со стороны: организм прекращает работать, это можно зафиксировать, измерить, засвидетельствовать. Но что такое моя смерть непосредственно для меня? Любой ответ мгновенно превращался в какое-то переживание — тьму, пустоту, тишину, отсутствие времени. Только тьму надо заметить, пустоту обнаружить, а о полном ничто вообще некому будет сообщить. Получалось, что я пытаюсь лично присутствовать при собственном отсутствии, а затем ещё собираюсь сделать из увиденного выводы. Ум умеет создавать задачи, в которых невозможность ответа аккуратно спрятана прямо в условии.

На этом месте можно было бы объявить человека бессмертным и почувствовать себя слегка посвящённым, но я уже знал цену слишком быстрым откровениям. Красивое объяснение иногда всего лишь красиво закрывает вопрос. Поэтому я ничего не решил и продолжил жить, что в подобных ситуациях вообще довольно практично. Жизнь прекрасно возвращает философа на землю: достаточно сорвавшейся поездки, боли, неприятного письма или разговора, после которого весь внутренний порядок оказывается временной конструкцией. Если вечность и существует, она удивительно плохо приспособлена для бытового использования: счета

приходят вовремя, старые обиды не исчезают сами, а понедельник остаётся понедельником независимо от глубины метафизических подозрений.

Однако однажды в поезде мысль повернулась другой стороной. Я смотрел на небольшие станции, исчезающие за окном раньше, чем их названия успевали приобрести для меня хоть какое-то значение. В соседнем кресле спал мужчина, напротив женщина читала книгу и перелистывала страницы с выражением, будто автор лично виноват в задержке состава. Мне вдруг стало очевидно, что моя смерть для каждого из них могла бы стать совершенно реальным событием: кто-нибудь позвал бы проводника, поезд задержали, позже появились бы звонки, решения, чужие воспоминания. Моё отсутствие продолжило бы жить в переживаниях других людей, тогда как для меня самого никакой доступной точки «после» по-прежнему не находилось.

Именно это различие оказалось важнее всех разговоров о загробных мирах. Смерть другого я знаю как собственное переживание утраты. Человек исчезает из доступной мне жизни, оставляя номер телефона, вещи, привычки, места, где мы были вместе, и странную инерцию внимания, которое ещё долго обращается туда, откуда больше не приходит ответ. Что происходит для самого ушедшего, мне неизвестно. Постепенно я перестал считать незнание недостатком и начал подозревать, что оно указывает на границу самой точки зрения: чужое отсутствие можно пережить, своё — нет.

После этого привычная картинка жизни как линии тоже стала выглядеть менее надёжно. Мы рисуем начало, протяжённость и конец, раскладываем между ними детство, зрелость, достижения, потери и будущую смерть, будто смотрим на собственное существование уже снаружи. В непосредственном опыте всё устроено иначе. Прошлое сейчас доступно только памятью, будущее появляется в виде ожиданий и предположений, а происходящее всегда обнаруживается здесь, сколько бы календарей ни окружало человека. Схема удобна, но удобство ещё не делает взгляд внешнего наблюдателя нашим реальным положением.

И тут вопрос о смерти неожиданно превратился в вопрос о том, кто именно собирается умереть. Ответ «я» казался очевидным, пока я не попытался разобраться, что скрывается в этом коротком слове. Тело изменилось, взгляды несколько раз перестраивались, желания приходили и уходили, многие воспоминания поблекли, а часть прошлого сохранилась, вероятно, в значительно более литературной редакции, чем события происходили на самом деле. Память вообще замечательный редактор: лишнее удаляет, важное переставляет местами, неудобное смягчает, а затем выдаёт готовую версию как документальную хронику.

Если бы меня нынешнего посадили за один стол с тем человеком, которым я был в двадцать лет, мы вряд ли быстро признали бы друг в друге единомышленников. Возможно, разговор закончился бы спором, и каждый ушёл бы с убеж-

дением, что второй пока многого не понимает. Тем не менее оба без колебаний назвали бы себя одним именем. Имя прекрасно скрепляет совершенно разные версии человека и создаёт ощущение непрерывности там, где внутри постоянно что-то меняется. Чем внимательнее я смотрел на того, кого собирался спасти от смерти, тем труднее становилось понять, кому именно предназначено бессмертие.

Тогда впервые появилась мысль, которая оказалась для меня важнее самого вопроса о продолжительности жизни. Всё, что я привык считать собой, менялось прямо внутри существования, не дожидаясь никакой смерти. Одни качества исчезали, другие проявлялись, прежние убеждения становились смешными, знакомый образ себя периодически разваливался после одного события. Получалось, что человек способен годами бояться окончательного исчезновения того, что и без того никогда не оставалось неизменным.

На этом месте особенно легко придумать вечную сущность, спрятанную где-то за личность, и почувствовать приятное облегчение. Я решил не торопиться. Мне уже случилось принимать удачную формулировку за понимание, поэтому вместо нового объяснения я попробовал внимательнее посмотреть на сам процесс изменений. Что происходит, когда приходит боль, появляется мысль, всплывает воспоминание, меняется настроение или рушится очередное представление о себе?

Оказалось, что при всей изменчивости содержания каж-

дое состояние каким-то образом становится известным. Боль можно заметить, мысль — обнаружить, перемену настроения — почувствовать, а разрушение прежней уверенности иногда вообще видно особенно отчётливо. Даже фраза «я ничего не понимаю» сначала должна появиться в переживании, иначе непонимание не станет проблемой. Мир способен за один телефонный звонок превратиться в совершенно другой, хотя дома, дороги и деревья останутся на месте, но сама перемена всё равно обнаруживается.

Позже я стал пользоваться словом «осознавание», хотя до сих пор отношусь к нему осторожно. Слова такого рода быстро обзаводятся почитателями, толкователями и специалистами по правильному произношению, после чего живое указание превращается в очередную вывеску. Мне важнее был сам факт: всё, что я способен назвать собой или миром, уже каким-то образом проявлено в переживании. Мысли замечаются, ощущения чувствуются, прошлое вспоминается, будущее представляется. Даже внутреннего наблюдателя, если попытаться его вообразить, можно превратить в очередной объект внимания, после чего немедленно возникает вопрос о том, кто заметил уже его.

Я тогда ещё не понимал, куда ведёт эта тропа, и сейчас не уверен, что у неё вообще есть место назначения. Чем дальше продолжалось путешествие, тем менее убедительной становилась мысль, будто где-то впереди лежит окончательный ответ, который позволит закрыть тему и спокойно за-

няться чем-нибудь другим. Возможно, стремление получить последнюю формулу — всего лишь ещё одна попытка ума обезопасить себя от открытости происходящего. Объяснённая тайна переносится значительно легче, даже когда объяснение пришлось придумать.

Поэтому этот рассказ не является доказательством бессмертия. Я не знаю, сколько раз мог умереть, существуют ли какие-то иные версии моей жизни, одна ли у всех реальность и имеет ли смысл говорить о мире независимо от того, кто его переживает. За годы у меня накопилось немало предположений, большую часть которых пришлось оставить по дороге. Одно наблюдение оказалось упрямее остальных: всякий раз, когда обстоятельства обещали окончание, следующим доступным мне фактом снова становилось продолжение — потолок больничной палаты, дорога за окном, голос человека рядом, утренний свет, боль или совершенно прозаическое желание поесть. Иногда я ждал великого откровения, а получал расписание процедур. Видимо, вечность, если она существует, не считает себя обязанной соблюдать жанр.

С годами я стал осторожнее произносить «я понял». Слишком часто это означало лишь то, что уму удалось подобрать удобное объяснение и временно перестать беспокоиться. Моё путешествие началось с невозможности обнаружить собственное отсутствие, но довольно скоро стало ясно, что смерть была лишь дверью в совсем другой вопрос. Гораздо интереснее оказалось посмотреть на того, кто всё это вре-

меня называл себя мной, а затем заметить само присутствие, внутри которого и смерть, и жизнь, и этот самый «я» вообще становятся чем-то известным.

Я всё ещё здесь. Раньше главным в этой фразе казалось то, что жизнь каким-то образом продолжилась. Теперь меня куда больше занимает, что именно позволяет заметить её продолжение.

Глава 1. После этого меня не должно было быть

Самого удара я не помню. Память вообще оказалась довольно избирательной дамой: оставила мне мокрый асфальт в свете фар, дорожный знак, который почему-то показался слишком ярким, несколько секунд музыки из приёмника и совершенно постороннюю мысль о встрече, на которую я ехал. Всё главное она вырезала. Позже мне подробно рассказывали, как машину развернуло, куда она ударилась, что смялось первым и почему люди, увидевшие автомобиль после аварии, не сразу поверили, что водитель выбрался оттуда живым. Получалась отличная история. Единственным человеком, пропустившим её самое интересное место, был я.

До аварии вечер ничем не выделялся. Дождь шёл давно и без энтузиазма, дорога блестела, встречные машины появлялись из темноты и снова исчезали, оставляя после себя красные огни. Я возвращался после вполне обычного рабочего дня и думал о вещах, которые тогда казались достаточно важными, чтобы занимать всю голову. Сейчас не вспомню ни одной. Это само по себе немного отрезвляет: человек способен провести несколько часов в напряжении из-за обстоятельств, которые через несколько лет невозможно восстановить даже ради литературной достоверности.

Перед поворотом я сбросил скорость. Дальше воспоминание обрывается и возвращается уже в другом месте, словно кто-то небрежно склеил плёнку, выбросив несколько метров между двумя кадрами. Белый потолок, чужие голоса, тяжесть в теле и странное ощущение, что всё происходит чуть в стороне от меня. Я не задавал великих вопросов. Кажется, первым было что-то насчёт машины. В подобных ситуациях человек быстро показывает истинную глубину своей духовности: только что мог закончить земное путешествие, а уже интересуется стоимостью ремонта. Машину ремонтировать не стали.

Врач объяснил состояние довольно спокойно, перечисляя повреждения тем профессиональным тоном, который успокаивает лучше любого сочувствия. Из его рассказа следовало, что мне повезло сразу в нескольких местах. Скорость могла быть выше, удар — немного левее, помощь могла приехать позже. Несколько сантиметров, секунд и случайных совпадений будто договорились между собой оставить историю незаконченной. В конце он посмотрел на меня и произнёс ту самую фразу: «После такого вас могло уже не быть».

Я поблагодарил его, хотя до сих пор не уверен, за что именно. За сообщение? За лечение? За то, что он лично не допустил моего небытия? Благодарность после спасения вообще устроена странно. В ней смешиваются облегчение, страх и желание срочно найти кого-нибудь ответственного за то, что ты продолжаешь существовать. Если конкретного

человека поблизости нет, прекрасно подходят судьба, Бог, случай или собственная удачливость. Главное — не оставлять событие без объяснения. Ум плохо переносит ситуации, в которых произошло нечто огромное, а подписи под ним нет.

Родные и знакомые довольно быстро создали из аварии историю моего второго рождения. Каждый пересказ добавлял подробности, которых я не помнил, и постепенно моё спасение становилось всё более невероятным. Один человек уверял, что при таком ударе обычно не выживают, другой знал кого-то, кто погиб при гораздо меньших повреждениях машины, третий смотрел на меня с таким уважением, словно бессмертие уже было официально подтверждено и оставалось только оформить документы. Несколько раз прозвучала мысль о втором дне рождения. Я отнёсся к предложению без восторга: одного возраста мне вполне хватало, а платить за два праздника ради подтверждения собственного везения казалось избыточным.

Сначала вся эта история мне даже нравилась. Есть что-то приятное в роли человека, который вернулся оттуда, куда остальные пока только собираются. Правда, довольно быстро выяснилось, что общество предъявляет к вернувшимся определённые требования. Если тебе подарили второй шанс, желательно начать жить правильно. Перестать тратить время на ерунду, ценить близких, заняться настоящим делом, радоваться каждому рассвету и вообще вести себя так, что-

бы Вселенная не пожалела о принятом решении. Некоторое время я честно пытался соответствовать.

Первые недели любое утро действительно ощущалось иначе. Город казался ярче, люди — живее, обычная прогулка приобретала неожиданную плотность. Даже раздражающие мелочи иногда вызывали почти нежность: всё-таки замечательно, думал я, что мне ещё доступна возможность раздражаться. Потом организм восстановился, жизнь вернула привычную скорость, и однажды я поймал себя на том, что совершенно искренне злюсь из-за очереди в магазине. Просветление продержалось меньше, чем реабилитация.

Сначала мне стало неловко. Человек чуть не умер, получил бесценный второй шанс и через несколько месяцев снова недоволен тем, что кто-то впереди слишком долго выбирает способ оплаты. Внутри поселилось чувство, будто я плохо использую выданное мне дополнительное время. Если жизнь сохранили, её следовало как-то оправдать. Желательно совершить нечто значительное, стать мудрее, добрее и уж точно перестать заниматься глупостями. Последнее требование было самым безнадёжным.

Именно тогда я впервые заметил довольно неприятный парадокс. Пока считал продолжившуюся жизнь подарком, она незаметно превращалась в долг. Каждое бесполезно проведённое утро начинало выглядеть растратой чужих инвестиций, неудачное решение — неблагодарностью, плохое настроение — почти моральным преступлением. Получив вто-

рой шанс, я почему-то сразу придумал кредитора, перед которым теперь обязан отчитываться. Кто именно выдал мне жизнь повторно, выяснить не удалось, зато чувство задолженности получилось вполне настоящим.

Понадобилось время, чтобы увидеть нелепость этого положения. До аварии я тоже был жив, но никому не приходило в голову требовать от меня ежедневного доказательства, что это заслуженно. Одно столкновение с дорожным ограждением вдруг превратило существование в привилегию, которую необходимо оправдывать. Само событие не сказало мне ничего подобного. Все обязательства появились позже, когда ум принялся объяснять случившееся и, как обычно, слегка увлёкся административной частью.

После этого я перестал старательно становиться новым человеком. Не из принципа и не потому, что решил окончательно разочароваться в духовном росте. Просто стало ясно: если жизнь действительно продолжилась, возможно, сначала стоит её прожить, а уже потом составлять отчёт об эффективности использования. Такое решение оказалось неожиданно освобождающим. Рассвет снова мог быть просто красивым, не превращаясь в доказательство моей благодарности Вселенной. Плохой день перестал означать, что второй шанс потрачен зря. Даже собственная глупость получила право существовать без немедленного духовного заключения.

Однако сама авария не отпускала. Иногда я прокручивал вечер в памяти и пытался найти тот момент, где всё могло

сложиться иначе. Если бы задержался на работе на пять минут, выехал немного раньше, ехал медленнее, выбрал другую дорогу или остановился выпить кофе, аварии, возможно, не произошло бы. Затем мысль неизбежно поворачивалась в противоположную сторону: другое положение машины могло закончить всё значительно хуже. Чем больше вариантов я придумывал, тем очевиднее становилась одна странность — каждый из них выглядел правдоподобно, но моей жизнью почему-то оказался только один.

До этого я почти не замечал, насколько существование зависит от вещей, которым в момент события не придаёшь никакого значения. Один звонок задерживает выход из дома, случайный разговор меняет маршрут, свободное место в вагоне приводит к знакомству, принятое из лени решение через годы оказывается поворотным. Мы видим последствия и задним числом выстраиваем из них красивую причинную линию, хотя во время самого события никакой линии ещё не различаем. Жизнь становится понятной главным образом после того, как уже произошла, что немного снижает ценность нашей уверенности в том, будто мы хорошо знаем, куда идём.

Однажды, когда тело уже позволяло нормально ездить, я вернулся на тот участок дороги. Никакой мистической потребности у меня не было. Скорее хотелось совместить две картины: место, которое продолжало существовать совершенно равнодушно, и историю, приобретшую внутри моей

биографии почти священный статус. Я почему-то ожидал увидеть что-то особенное, хотя понимал всю глупость ожидания. Дорога оказалась дорогой.

Машины проходили мимо, кто-то торопился, на заправке неподалёку продавали кофе, небо было серым, а место удара уже ничем не отличалось от нескольких сотен метров до и после него. Мир не сохранил торжественной отметки о том, что здесь однажды решалась моя судьба. Если она действительно решалась, окружающее пространство отнеслось к событию с завидным спокойствием.

Я постоял там некоторое время и неожиданно понял, насколько странно звучит привычная фраза: «Здесь я должен был погибнуть». Откуда взялось это «должен»? Врачи говорили о вероятностях, знакомые — о невероятном везении, я сам сравнивал случившееся с воображаемым исходом и постепенно превратил один из возможных вариантов в почти обязательный. Но смерть не стояла на дороге с моим именем в списке и не возмущалась тем, что я уклонился от назначенной встречи. Было событие, которое произошло именно так, как произошло. Всё остальное существовало уже в моей голове как рассказ о том, что могло случиться. От этой мысли не стало проще, зато стало просторнее.

До неё я всё время сравнивал реальную жизнь с какой-то другой, не случившейся. В одной версии погиб, в другой остался инвалидом, в третьей спокойно доехал до дома и утром даже не вспомнил этот участок дороги. Каждая вооб-

ражаемая история помогала объяснять настоящую, хотя сама никогда не происходила в моём опыте. Получался любопытный фокус: человек способен годами переживать отношения с событиями, которых в его жизни не было, и на их фоне оценивать то единственное, что действительно случилось.

Здесь впервые возник вопрос, который позже станет для меня гораздо важнее. Почему я так уверен, что несостоявшийся вариант менее реален хотя бы как возможность? В тот момент я ещё не думал о множестве миров и не подозревал, насколько далеко способна увести эта простая щель между «случилось» и «могло случиться». Меня занимало другое: вся моя биография состояла не только из пережитого, но и из огромного невидимого облака непржитых продолжений. Мы выбираем одно решение и называем его судьбой лишь потому, что остальные дороги после поворота перестают быть видны.

Наверное, именно тогда авария окончательно перестала быть для меня историей чудесного спасения. Она стала первым событием, заставившим усомниться в привычном способе смотреть на жизнь. До неё мне казалось естественным делить происходящее на то, что случилось, и то, что не случилось, причём первое считать реальностью, а второе — пустой фантазией. После появилась трещина в этой уверенности. Возможность не становилась фактом, но переставала казаться ничем.

Вернувшись домой, я не почувствовал никакого откровения. Небо не раскрылось, тайный смысл аварии не высветился золотыми буквами, а внутренний голос не сообщил, для чего именно меня оставили в живых. Это даже понравилось. Постепенно становилось ясно, что желание обязательно найти предназначение у собственного спасения подозрительно похоже на нежелание признать простую вещь: жизнь не обязана заранее объяснять себя тому, кто её живёт.

Возможно, настоящим подарком оказалось совсем не то, что я выжил. Гораздо интереснее была возникшая после аварии трещина в привычной очевидности. Сквозь неё начали просматриваться вопросы, которые раньше казались либо слишком философскими, либо просто ненужными. Почему одно продолжение события становится моей жизнью, а остальные исчезают? Что делает прожитую историю именно моей? Где проходит граница между возможностью и реальностью, если до события обе выглядят одинаково открытыми?

Ответов у меня тогда не было. Зато впервые появилось ощущение, что самое странное находится не за пределами обычной жизни, а прямо внутри неё. Для встречи с тайной, как выяснилось, совершенно необязательно уходить в горы, годами медитировать или разыскивать человека, говорящего особенно загадочным голосом. Иногда достаточно мокрой дороги, нескольких секунд, которых не осталось в памяти, и утра, которое почему-то всё-таки наступило.

После той аварии знакомые ещё долго говорили, что мне дали второй шанс. Со временем я перестал спорить, хотя сам уже воспринимал случившееся иначе. Никакого второго шанса я не видел. Была только жизнь, которая по неизвестной мне причине не разделилась на «до» и «после» так окончательно, как ожидали окружающие. Она просто продолжилась, а вместе с ней продолжился вопрос, впервые возникший у больничного окна и потом уже не исчезающий окончательно: почему из множества возможных продолжений я всякий раз обнаруживаю себя именно в том, которое способен прожить?

Тогда я ещё не понимал, что однажды придётся усомниться не только в единственности дороги, но и в единственности самого путешественника.

Глава 2. Следующий день

После аварии я некоторое время ждал, что жизнь изменится сама. Не в бытовом смысле — там изменения как раз были: врачи, восстановление, новые ограничения, осторожность за рулём и слишком внимательные взгляды близких. Мне казалось, что должно произойти что-то глубже. Человек, который почти умер, обязан ведь каким-то образом отличаться от того, кто просто вчера лёг спать и сегодня проснулся. По крайней мере так устроены хорошие истории. В них встреча со смертью быстро отделяет главное от второстепенного, герой понимает предназначение, перестаёт терять время и начинает жить так, будто каждое утро подсвечено изнутри. Моё внутреннее преображение оказалось скромнее: я стал медленнее ездить и некоторое время внимательнее смотреть по сторонам.

Обычная жизнь довольно быстро вернула свои права. Работа снова стала требовать решений, люди не сделались понятнее только потому, что я чудом остался среди них, деньги сохранили неприятную склонность заканчиваться, а организм постепенно перестал вызывать благодарность одним фактом исправной работы. Прошло несколько месяцев, и однажды утром я обнаружил себя стоящим на улице под дождём и раздражённо ожидающим человека, который опаздывал уже почти полчаса. Раздражение было совершенно на-

стоящее, без скидки на недавно полученный «второй шанс». Я смотрел на часы, придумывал будущий разговор и вдруг заметил, насколько быстро вечность проиграла тридцати минутам ожидания.

Меня это почему-то развеселило. Совсем недавно я собирался ценить каждое мгновение, а теперь активно не ценил именно это, потому что оно происходило не так, как мне хотелось. Получалось, что ценность жизни сильно зависит от содержания конкретной минуты. Красивый закат после больницы легко объявить чудом, а стояние под холодным дождём почему-то воспринимается как досадная задержка перед настоящей жизнью, которая начнётся, когда наконец придёт нужный человек. Мы вообще мастерски делим существование на важное и промежуточное, хотя промежуточное иногда занимает большую его часть.

Тогда я впервые подумал, что фраза «жить каждым мгновением» звучит гораздо красивее, чем применяется. Она предполагает, будто само присутствие в текущем моменте автоматически должно вызывать восторг. Ничего подобного. В текущем моменте может болеть зуб, начальник может быть идиотом, самолёт задержан, любимый человек молчать третий день, а под дождём может быть просто холодно. Настоящее не обязано быть приятным только потому, что оно настоящее. Возможно, проблема вообще не в том, что человек недостаточно ценит мгновение, а в его вечной попытке обменять происходящее на более подходящую версию.

Я продолжал жить и постепенно заметил, что отношение к пережитой аварии тоже меняется. Сначала она была огромным событием, разделившим биографию на две части, потом стала историей, которую я рассказывал новым знакомым, ещё позже — эпизодом, всплывавшим только по случаю. То, что однажды занимало почти всё внутреннее пространство, со временем оказалось одной папкой среди множества других. Это слегка задевало самолюбие. Мне казалось, что событие такого масштаба обязано сохранить особый статус, но жизнь относилась к собственной драматургии свободнее. Она спокойно задвигала великие потрясения в прошлое, освобождая место для того, что происходило сейчас.

Несколько лет спустя я летел куда-то по работе и вспомнил аварию только потому, что самолёт вошёл в сильную турбулентность. Люди вокруг заметно напряглись. Мужчина через проход перестал читать, женщина впереди взялась за руку спутника, стюардессы исчезли со своей привычной профессиональной улыбкой. Меня тоже охватил страх, вполне телесный и совершенно не философский. Все мои размышления о невозможности пережить собственное отсутствие не помогли желудку договориться с воздушной ямой.

Это оказалось полезным открытием. Понимание не отменяет реакции. Можно сколько угодно рассуждать о природе смерти, но тело всё равно будет уклоняться от летящего предмета раньше, чем успеешь уточнить свою метафизиче-

скую позицию. В какой-то момент мне даже стало неловко перед собой: человек столько думал о бессмертии, а теперь вцепился в подлокотник, как будто лично удерживает самолёт в воздухе. Потом я понял, что противоречия здесь нет. Страх принадлежал жизни не меньше, чем мои рассуждения о нём. Тело не обязано читать философию своего владельца.

Самолёт благополучно сел. Пассажиры сразу оживились, телефоны включились, кто-то начал жаловаться на связь, кто-то торопил людей в проходе. Через десять минут мы снова были заняты обычными делами, словно несколько минут назад половина салона не составляла внутреннее завещание. Меня поразила не быстрота забвения, а способность жизни мгновенно продолжаться из того места, где она только что казалась готовой закончиться. Катастрофы не произошло, поэтому возник багаж, такси, сообщения, гостиница и вопрос, где поесть. Именно это «потом» стало меня интересовать.

Не грандиозное потом после смерти, о котором человечество спорит тысячелетиями, а маленькое продолжение любого события. После страха приходит облегчение, после боли — другой вид боли или её отсутствие, после важного разговора почему-то приходится идти по улице, покупать билет, отвечать на сообщение. Даже самые значительные переживания не умеют остановить поток происходящего. Они могут изменить человека, разрушить привычный мир, перевернуть представление о себе, но затем всё равно появляется следу-

ющий фрагмент жизни, который требует участия.

В какой-то период я начал наблюдать это почти специально. После серьёзного разговора с близким человеком, когда казалось, что внутри разрушилось что-то фундаментальное, я вышел на улицу и увидел мужчину, который безуспешно пытался запихнуть огромную коробку в маленький автомобиль. Он сердился, переставлял её, открывал другую дверь, снова возвращался к багажнику и выглядел так, словно судьба всей планеты зависит от правильного угла наклона картона. Я только что переживал конец важных отношений, а в трёх метрах человек воевал с упаковкой. Мир совершенно не обязан был уважать масштаб моего внутреннего события.

Сначала подобное равнодушие жизни казалось почти оскорбительным. Хочется, чтобы в моменты настоящей боли хотя бы погода вела себя соответствующе. Если рушится любовь, солнечный день выглядит некоторой бестактностью. Позже я увидел в этом не равнодушие, а удивительную свободу. Мир не подтверждал мою трагедию и не отрицал её. Для меня происходило одно, для человека с коробкой — совсем другое, а оба события прекрасно помещались в одном утре. Возможно, жизнь вообще не обязана выбирать главное.

Этот вывод оказался неожиданно трудным. Человеческий ум любит иерархии. Ему приятно знать, что происходит действительно важное, а что лишь фон. Собственная боль почти автоматически занимает первое место, чужая радость в этот момент выглядит второстепенной, чей-то автобус продолжа-

ет ехать, хотя ему следовало бы хотя бы немного притормозить из уважения к обстоятельствам. Потом роли меняются, и уже твоя радость кажется центром мира, пока в соседнем доме кто-то получает новость, после которой ничего прежнего для него не останется. Реальность каким-то образом вмещает всё это без необходимости назначать победителя.

Я начал внимательнее относиться к обычным дням. Не в смысле постоянного восхищения ими; такая задача быстро превратила бы жизнь в духовную повинность. Меня заинтересовала сама непрерывность. Утро переходило в день без моего разрешения, разговор оставлял след и уступал место следующему событию, дорога заканчивалась другим местом, а мысль, занимавшая всё внимание, могла исчезнуть после одного телефонного звонка. Происходящее не нуждалось в моём согласии, чтобы продолжаться. Я мог сопротивляться, радоваться, строить планы или объявлять момент судьбоносным, но поток не спрашивал, готов ли я перейти к следующей сцене.

Особенно ясно это стало после смерти одного знакомого. Мы виделись незадолго до этого, разговаривали о совершенно обычных вещах, обсуждали планы на ближайшие месяцы. Через несколько дней его не стало. Новость пришла утром, а вечером мне пришлось идти на заранее назначенную встречу, которую нельзя было отменить. Я помню внутреннее возмущение тем, что нужно разговаривать о работе в день, когда человек умер. Казалось, окружающая жизнь совершает

что-то неприличное, продолжаясь по расписанию.

На встрече люди обсуждали сроки, цифры и какие-то проблемы, которые утром показались бы мне вполне важными. Я отвечал, слушал, даже спорил, а внутри одновременно существовало знание о смерти человека. Эти два слоя не уничтожали друг друга. Моё горе не остановило деловой разговор, деловой разговор не отменил горя. Именно тогда я почувствовал, насколько странно требование выбрать одно «настоящее» состояние. Человек может переживать утрату и думать, где припарковал машину. Сакральное и совершенно земное не сменяют друг друга по расписанию; они способны сидеть за одним столом.

Раньше мне казалось, что духовная глубина начинается там, где заканчивается мелкое и повседневное. Теперь такое разделение стало выглядеть искусственным. Если осмысленность жизни не выдерживает разговора о деньгах, дороги, усталости, работы и необходимости купить билет, возможно, дело не в слишком материальном мире, а в слишком хрупкой духовности. Человек существует целиком. Он способен размышлять о смерти и одновременно хотеть кофе, любить и раздражаться на любимого, понимать ценность жизни и откладывать важный звонок до завтра. Парадокс не мешает целостности; скорее наше желание быть непротиворечивыми мешает увидеть, насколько естественно она устроена.

Я постепенно перестал ждать состояния, после которого жизнь наконец станет полностью осознанной. Некоторое

время мне казалось, что достаточно понять несколько главных вещей, и дальше уже получится жить правильно. Эта надежда удивительно живуча: где-то впереди существует более совершенная версия меня, которая всё поняла, избавилась от внутренних конфликтов и теперь действует исключительно из ясности. Мне долго не приходило в голову, что ожидание будущего совершенного себя может быть всего лишь более изящной формой недовольства нынешним. Следующий день оказался хорошим лекарством от этой идеи.

Каким бы значительным ни было вчерашнее открытие, утром вместе с ним просыпался обычный человек. Иногда понимание оставалось живым, иногда превращалось в воспоминание о том, что вчера всё было удивительно ясно. Бывали вечера, когда мне казалось, что я наконец увидел какую-то важную вещь без искажений, а наутро тот же ум уже пользовался новым пониманием для старых целей: доказывал правоту, оценивал других, строил из откровения ещё одну версию собственной исключительности. Видимо, ум способен приватизировать даже освобождение от ума, если дать ему немного времени.

Это открытие меня сначала раздражало, а потом начало веселить. Никакого окончательного диплома об осознанности не выдавали. Любое понимание приходилось проживать заново в конкретной ситуации, где красивых формулировок было недостаточно. Можно прекрасно понимать бессмысленность обиды и всё равно обидеться, говорить о принятии

мира и злиться из-за отменённого рейса, рассуждать о единстве и с огромным интересом выяснять, кто именно виноват. Жизнь регулярно проверяла философию на прочность и делала это без предварительной записи.

Постепенно я увидел в этом не провал, а сам способ проживания. Если бы однажды можно было понять всё окончательно, дальнейшее существование превратилось бы в выполнение известной инструкции. Возможно, неизвестность нужна не потому, что нам ещё не хватило знаний, а потому, что без неё никакого живого шага вообще не происходит. Человек идёт не из готового ответа в его исполнение, а встречается с происходящим там, где предыдущий опыт помогает, но никогда полностью не заменяет новое переживание.

Эта мысль неожиданно вернула меня к вопросу, возникшему после аварии. Тогда меня поражало, почему из множества возможных продолжений я оказался именно в этом. Теперь стало заметно другое: я всегда узнаю о жизни уже внутри какого-то продолжения. Между одним переживанием и следующим нет комнаты ожидания, где мне показывают варианты и предлагают выбрать наиболее подходящий. Просто в какой-то момент обнаруживается новое «сейчас», которое ещё секунду назад было будущим и существовало только в воображении.

Так было всю жизнь, но я впервые начал видеть саму странность этого устройства. Будущее занимает огромное место в человеческих мыслях, хотя никто никогда не пере-

живал его будущим. Когда оно действительно приходит, название уже меняется. Мы боимся завтрашнего дня, ждём его, строим планы, пытаемся обеспечить себе нужную версию, а встречаем всегда только очередное настоящее. Возможно, будущее — одно из самых влиятельных мест, в которых ни один человек никогда не бывал.

Меня особенно забавляло, сколько сил мы тратим на жизнь в этом месте. Можно испортить сегодняшний вечер тревогой о событии, которое произойдёт через неделю, потом всю неделю готовиться к нему, а когда оно наступит, обнаружить совершенно другую реальность. Иногда событие вообще отменяется, но пережитые семь дней никто не возвращает. Ум после этого быстро находит следующий повод для беспокойства, словно работает по абонементу.

Я не перестал планировать. Было бы странно сделать из наблюдения очередную религию и выбросить календарь. Скорее изменилось отношение к самому плану. Он перестал казаться описанием будущего и стал тем, чем являлся на самом деле: действием, происходящим сейчас. Я мог купить билет на следующий месяц, договориться о встрече, начать проект, но всё это совершалось в текущем переживании. До реального события оставался путь, который невозможно пройти заранее, сколько бы раз ни проигрывал его в голове.

Однажды я приехал в город, где давно хотел побывать. Несколько месяцев до поездки представлял улицы, маршрут,

гостиницу, первую прогулку. Реальность не совпала почти ни с чем. В день приезда шёл дождь, номер оказался меньше фотографии, музей, ради которого я особенно ехал, неожиданно был закрыт, а самое сильное впечатление оставил вечерний разговор с незнакомым человеком в маленьком кафе, которого в моём прекрасно разработанном будущем, разумеется, не существовало.

Мы проговорили несколько часов. Он рассказывал о своей жизни, я о своей, разговор несколько раз уходил совсем не туда, откуда начинался. Поздно вечером, возвращаясь в гостиницу по мокрой улице, я вдруг понял, что все месяцы ожидал поездку, которой никогда не произошло. Настоящее путешествие возникло только сейчас и оказалось совершенно другим. Воображаемое будущее не ошиблось — оно вообще не было прогнозом. Оно было отдельным переживанием, случившимся раньше.

Тогда понятие «следующий день» приобрело для меня новый оттенок. Раньше это было просто продолжение времени. Теперь я увидел в нём встречу с тем, чего ещё никогда не существовало в моём опыте, каким бы знакомым оно ни казалось заранее. Даже повторяющийся рабочий день нельзя прожить второй раз: меняется состояние, люди, внимание, тело, сама точка, из которой я смотрю. Повторяемость создаётся памятью, которая замечает сходство и удобно складывает множество разных событий под одно название.

Возможно, именно поэтому жизнь так легко становится

привычной. Мы перестаём видеть конкретное и начинаем узнавать категории. Не этот человек, а «муж». Не эта женщина, а «коллега». Не сегодняшняя дорога, а «обычный путь на работу». Узнавание экономит силы, но вместе с ними иногда экономит и присутствие. Человек ещё живёт, а ум уже знает, что сейчас произойдёт, поэтому смотрит вполглаза.

Я не стал бороться с привычкой. Борьба обычно делает противника главным содержанием жизни, а мне и без того хватало интересного. Достаточно было иногда замечать, что знакомое состоит из множества вещей, которых раньше не было именно такими. Человек напротив сегодня смотрит иначе, улица после дождя меняет звук, разговор развивается не по вчерашнему сценарию, а собственное настроение иногда удивляет сильнее окружающих. Обычность оказалась не свойством мира, а степенью моего внимания к нему.

И здесь произошёл ещё один небольшой переворот. Я долго думал, что бессмертие, если оно существует, должно быть чем-то противоположным обычной жизни. Представлялась огромная перспектива, бесконечное количество лет, эпох, событий, какое-то грандиозное продолжение за пределами привычного масштаба. Но единственное продолжение, которое мне когда-либо было доступно, выглядело совершенно иначе. Оно всегда приходило как конкретный следующий момент: открыть глаза, выйти на улицу, услышать голос, почувствовать усталость, узнать новость, встретить человека.

Вечность, если пользоваться этим слишком большим сло-

вом, никогда не показывалась мне целиком. Она всё время появлялась маленькими порциями настоящего.

Это почему-то показалось мне важнее любых обещаний бесконечной жизни. Я мог сколько угодно фантазировать о тысячах будущих лет, но ни одного из них не был способен прожить заранее. Даже если впереди действительно бесконечность, встречаться с ней всё равно придётся по одному мгновению. В таком случае бессмертие ничем не освобождает человека от настоящего. Напротив, оно делает невозможным побег из него в окончательный конец. Мысль мне не очень понравилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.